

II. В СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

В ПЕТЕРБУРГЕ

Определился я в Петербургский университет на историко-филологический факультет. В Петербург мы, вместе с братом Мишей, выехали в середине августа 1884 года. Миша уже два года был в Горном институте. Лекции у него начинались только в сентябре, но его отправляли со мною раньше, чтобы мне в первый раз не ехать одному.

Любы Конопацкой мне больше не удалось видеть. Они были все на даче. Накануне нашего отъезда мама заказала в церкви Петра и Павла напутственный молебен. И горячо молилась, все время стоя на коленях, устремив на образ светившиеся внутренним светом, полные слез глаза, крепко вжимая пальцы в лоб, грудь и плечи. Я знал, о чем так горячо молилась мама, отчего так волновался все время папа: как бы я в Петербурге не подпал под влияние нигилистов-революционеров и не испортил себе будущего.

Потом, после всенощной и молебна, мы с сестрами и пришедшими черными Смидовичами долго сидели в саду, в синей августовской темноте, пахнувшей коричневыми яблоками, пели хором. Особенно одна песня помнится:

Не уезжай, голубчик мой,
Не покидай поля родные.
Тебя там встретят люди злые
И скажут: "Ты для нас чужой".

Юля при этом грустно смотрела, а у Мани и Инны горели глаза: с каким бы восторгом они вместе со мною покинули "родные поля" и поехали в неизвестную даль, какие бы там ни оказались злые люди!

Уехали мы с вареньем, пирогами, окороком ветчины. Две бессонных ночи в густо набитом вагоне третьего класса, где возможно было только дремать сидя. Утром в лиловой мгле дымных пригородов затемнел под солнцем непрерывный лес фабричных труб. Николаевский вокзал. И этот особенный, дымный и влажный запах Петербурга.

Наняли комнату в два окна на Васильевском острове, на углу 12-й линии и Среднего проспекта, в двухэтажном флигельке в глубине двора. Хозяйка - полная старуха с румяными, как крымские яблоки, щеками. И муж у нее - повар Андрей, маленький старичок с белыми усами. Он обычно сидел в темной прихожей и курил трубку, - курить в комнате жена не позволяла.

Университет. Бесконечно длинное, с полверсты, узкое здание. Концом своим упирается в набережную Невы, а широким трехэтажным фасадом выходит на Университетскую линию. Внутри такой же бесконечный, во всю длину здания, коридор, с рядом бесчисленных окон. По коридору движется шумная, разнообразно одетая студенческая толпа (формы тогда еще не было). И сквозь толпу пробираются на свои лекции профессора, - знаменитый Менделеев с чудовищно-огромной головой и золотистыми, как у льва, волосами до плеч; чернокудрявый, с толстыми губами, Александр Веселовский; прямо держащийся Градовский; высокий и сухой, с маленькою головкою, Сергеевич.

Огромные аудитории физико-математического и юридического факультетов, маленькие аудитории нашего, историко-филологического.

В актовом зале ректор Иван Ефимович Андреевский сказал молодым студентам речь. Невысокий, седенький. Простирал руки к студентам, как будто хотел их всех обнять, и убеждал заниматься одною только наукою. И говорил:

- Не ломать и разрушать - призвание университетских деятелей, а творить и действовать. Не разрушение власти их задача, а уважение порядка и власти!

Я стал усердно слушать лекции, какие полагались на первом курсе: древнюю историю, логику, общее языкознание, русскую историю. Кроме того, много было обязательных лекций по древним языкам. Это свалилось на поступивших совершенно неожиданно, вместе с только что опубликованным новым университетским уставом 1864 года. Раньше на историко-филологическом факультете было три отделения: словесное, историческое и классическое. Теперь оставлено было только два, - словесное и историческое, но на обоих преобладающее число лекции и практических занятий было отдано классическим языкам, которые стали обязательными для слушателей всех отделений. Многие студенты, когда узнали об этом, немедленно перевелись на юридический факультет: поступали они с целью изучить литературу или историю, а вовсе не классические языки, достаточно набившие оскомину и в гимназии. Из лиц, впоследствии получивших известность, перевелись с нашего курса В. В. Водовозов, Вл. А. Поссе, С. Н. Сыромятников, писавший впоследствии в "Новом времени" талантливые и